

ЧАСТЬ IV. СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРОГНОЗЫ

Глава 17. Изменения в институтах государства за последние 100–150 лет

Гринин Л. Е.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Как мы будем говорить в главе 18, зрелые государства в Европе возникли в XVIII – первой половине XIX в. Промышленный принцип производства все более набирал силу. Он нуждался в том, чтобы была обеспечена стабильность в условиях быстрого роста экономики (и была оказана всемерная поддержка такому росту). Наилучшим образом этого удалось достичь в рамках нового – зрелого – типа государства. Зрелое государство – это классово-корпоративное государство, в котором сословные различия сходят на нет. Однако последнее происходило не так быстро и нередко в результате революций. И лишь постепенно представители крупной и средней буржуазии добились права активно участвовать в определении внутренней и внешней политики. Далее по мере роста влияния буржуазии началось превращение государства в «ночного сторожа» предпринимательства, а иногда даже в «исполнительный комитет» буржуазии. В такой роли оно пребывало примерно столетие (с 30-х гг. XIX в. до середины XX в.). Но этот период следует разделить на две части, рубежом между которыми явился конец XIX в.

Стадия зрелого государства связана с формированием классов предпринимателей и наемных работников и **созданием классово-корпоративного государства**. В данный период классовые конфликты в общественном развитии ряда стран стали занимать очень большое место. В результате функционирование фабричной промышленности и положение связанных с ней социальных групп перешли в сферу внимания правительства. При расширении демократии правительство хотя и явно сочувствовало имущим классам, но все же вынуждено было отказаться от принципа невмешательства в отношения капиталистов и рабочих. В результате во второй половине XIX – первой половине XX в. был достигнут определенный, хотя и не всегда устойчивый, компромисс между классами, возросло влияние рабочих партий и профсоюзов. Это привело к усилению корпоративной составляющей зрелого государства, где важную роль стали играть объединения и корпорации рабочих, предпринимателей, различных профессиональных и социальных групп. К числу корпораций надо отнести и крупнейшие объединения промышленников и банкиров – монополии.

С конца XIX в. в результате концентрации производства резко возросло влияние монополий и олигополий. Следствием стремления финансово-промыш-

ленной олигархии подмять под себя мелкий и даже средний бизнес стали особогорода конфликты между демократией и крупным капиталом. Поэтому государственная политика колебалась между интересами монополий и большинства населения как основного избирателя. (Ведь избирательное право теперь сильно расширилось.) Наиболее известный пример – антитрестовские законы в США.

Демократическое государство все чаще выступало арбитром в социальных спорах, следовательно, все более становилось надклассовой силой, а режимы авторитарного типа с частной собственностью обрекались на революции, которые, как представляется, стали особым способом трансформации и модернизации обществ в Новое и Новейшее время. Роль государства в регулировании экономики возрастала¹, тем более что экономическое соперничество передовых стран приобрело все более острые формы. Но в целом еще господствовала установка на то, чтобы не вмешиваться в естественный ход дел, которая, однако, трансформировалась в идею о том, что неприемлемо лишь вмешательство в бизнес, а прямая помощь государства предпринимателям вполне допустима и даже желательна. Так продолжалось до 30-х гг. XX в.

После Великой депрессии 20–30-х гг. XX в. и Второй мировой войны возникла ситуация, когда государство возвратилось, но уже на совсем новом этапе развития производства, к его регулированию и часто прямому вмешательству в него. Вместе с тем увеличилось и налоговое бремя. Кроме того, экономическое соревнование между странами стало носить идеологический характер, а темпы роста сделались важнейшим показателем успеха правительства. Для крупных корпораций, как отмечал Дж. К. Гэлбрейт, главной целью теперь была не столько максимальная прибыль, сколько максимальная устойчивость. В определенной мере это сблизило сам характер деятельности государства и корпораций, облегчило их сращивание в различных сферах, особенно военной и научно-исследовательских и конструкторско-опытных разработках (НИОКР). Ведь хотя наука в результате научно-информационной революции превратилась в важнейшую производительную силу, но финансируется она в первую очередь именно за счет государства, в фарватере которого часто идет и крупный бизнес. Еще одним исключительно важным фактором, определяющим направление развития производства, является новая социальная политика государства, нацеленная на поддержку аутсайдеров всякого рода и связанные с ней высокие налоговые изъятия. Например, с 1930 по середину 1970-х гг. доля социального страхования в ВВП увеличилась в европейских странах с 2,8 % до 13 % (Фишер 1999: 342).

В итоге в ведущих государствах Европы в первой половине XX века социальные классы стали «размываться» и превращаться в более дробные и менее сплоченные группы: страты, слои и т.п. Такая трансформация зрелого государства связана с очень быстрыми изменениями в производстве, демографии и образовании.

¹ Недаром же 1920–30-е гг. Дж. Бернхейм определил как начало перехода от капиталистического или буржуазного общества к типу, который он назвал менеджерским (Burnham 1941: 71) и который позже назывался самыми разными именами – от нового индустриального до программируемого.

Важнейшими чертами этой новой социальной структуры стали:

- формирование так называемого среднего класса, который постепенно стал ведущим по численности;

- усиление таких признаков социальной стратификации, как образование и рост социальной мобильности. Соответственно сильно выросла доля наемных служащих;

- рост значения социального законодательства и законов, ограничивающих поляризацию общества (таких как высокие подоходные налоги и налоги на наследство и т. п.);

- усиление значения таких факторов, которые ранее не являлись ведущими в рамках общенациональных и общегосударственных (хотя они были важны для низовых ячеек общества): гендерные, возрастные и профессионально-групповые характеристики. С этим выросла и роль социальных движений, не имеющих четкого классового характера (студенческие волнения, расовые движения, выступления молодежи, женское движение, акции «зеленых», организации потребителей и т. п.).

В течение XX в. социальная политика претерпевает очень сильные изменения. Государство из классового постепенно становится *социальным*, то есть государством, которое проводит активную политику поддержки малоимущих и социально незащищенных слоев населения, ограничивает рост неравенства. Этот процесс начался в конце XIX в., стал более заметным после Первой мировой, а еще более – после Второй мировой войны. Огромные перемены произошли в области перераспределения доходов. В результате развития социальных программ налоговые изъятия существенно выросли по сравнению с периодом классического капитализма.

С 60-х гг. XX в. начались очень большие изменения во всех сферах жизни, особенно в результате научно-информационной революции. В 60–70-е гг. XX в. США и ряд европейских западных стран объявили себя *государствами «всеобщего благоденствия»* и превратились в общества массового потребления, что, по сути, уже означало, что зрелое государство приобретает некие нехарактерные для него черты и развивается в нечто новое. Но во что? Государство все более из классового становится организацией, в которая, с одной стороны, является важнейшим инструментом социальной политики общества и, социального обеспечения, страхования и регулирования. Так, в частности именно государство в конечном счете отвечает за здоровье населения, его благополучие, пенсии и т. д. Но с другой стороны, государство превратилось в организацию, в котором влияние тех или иных групп напрямую зависит от флуктуаций политического процесса (каждые выборы могут существенно менять внутренний курс).

Однако в 1980–1990-е годы в связи с ростом глобализации, переносом производств в развивающиеся страны и большей свободой для капиталов в перемещениях происходят новые изменения в государстве и его институтах. Идет процесс сокращения суверенных прав государств, передача их различным союзам и наднациональным изменениям. Одновременно идет подъем роли государства в развивающихся странах. Перенос производств (деиндустриализация) приводит

к развитых государствах к частичному размыванию и сокращению среднего класса.

1. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗРЕЛОГО ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО. НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Реальная классовая структура более подвижна, чем сословная (см., например: Маршалл 2005: 21). Но и она, как уже сказано, предполагает наличие определенных внеэкономических по преимуществу моментов, закрепляющих классовое неравенство. При анализе классовой структуры капитализма чаще обращают внимание именно на экономические различия классов и гораздо реже на момент политического и правового их неравенства. Однако если взять буржуазное общество XIX в., то легко увидеть политические и юридические ограничения низших классов, поддерживающие экономическое могущество высших, в частности избирательный ценз. Так, например, в Англии в первой половине XVIII в. избирательным правом пользовались менее 250 тыс. человек, то есть меньше 5 % населения (Татаринова 1958: 238; Даль 2000: 28–29). Перед парламентской реформой 1832 г. право голоса в Англии имели менее 500 тыс. человек, а после реформы – чуть более 800 тыс. (Мещерякова 1986: 300). Парламентская реформа 1867 года расширила это число почти до 2,5 млн, однако в это время жили уже 30 млн. человек (Кертман 1968: 331), то есть правом голоса пользовались лишь 8 % населения. Даже в конце XIX в. право голоса в Великобритании имели только 29 % взрослого населения (Григорьева 2001а: 11; Даль 2000: 29). До революции 1848 г. число избирателей во Франции было ничтожным: всего 250 тыс. человек (Адо 1986б: 314). Неудивительно, что Алексис де Токвиль (1991) в своем исследовании демократии в США говорил о всеобщем избирательном праве для мужчин в этой стране как о ее исключительной особенности. Но и в Соединенных Штатах негры не имели избирательного права. Другим важным классовым барьером во всех странах была невозможность получения образования, почти во всех – ограничения в свободе объединений и ассоциаций, вплоть до применения уголовных наказаний за участие в них и в стачках, и тому подобные вещи, которые в течение XIX в. сократились или сошли на нет².

Однако в обществе, где экономически в юридическом смысле люди равны и существует свобода хозяйственной деятельности, где устойчивость социального строя базируется на быстро расширяющейся и модернизирующейся экономике, а для такого расширения требуется все больше грамотных и образованных людей, слишком долго такие политические и правовые барьеры между классами существовать не могли. И, по мере того как эти указанные выше «подпорки» убираются, а население обретает равные политические и иные права, классы начинают размываться и превращаться в более дробные и менее сплоченные группы (страты, слои). Именно так стало происходить в Европе, где с расшире-

² Вот любопытные цифры, которые показывают значимость такого рода барьеров. Из-за образовательного ценза в 1860-е гг. в Италии в выборах на Севере мог участвовать каждый 12-й житель, а на Юге только каждый 38-й (Григорьева 2001б: 166). Естественно, что политически Юг оказывался бесправным.

нием прав и свобод классовая структура сначала стала более зрелой, а потом стала размываться и заменяться другой. Такая трансформация зрелого государства связана с очень быстрыми изменениями в производстве, включая усиление миграционных процессов, создание конвейерного производства, роста образования, новой сферы услуг, превращение женского наемного труда в массовое явление и другие вещи (о некоторых из них см., например: Dahrendorf 1976; Wesolowski 1976; Маршалл 2005: 23; Миллс 1959). Достаточно сказать, что промышленное производство в мире с 1890 по 1913 год выросло почти в четыре раза (Соловьев, Евзеров 2001: 280).

Важнейшими чертами такой социальной структуры стали:

- формирование так называемого среднего класса, который постепенно стал ведущим по численности (Фишер 1999: 89; см. также: Бунин, Назарова 1982: 204–209; Рамзес 1981: 248; Согрин 2003: 126)³;
- усиление таких признаков социальной стратификации, как образование и рост социальной мобильности (Фишер 1999: 91). Соответственно сильно выросла доля наемных служащих (см., например: Песчанский 1981: 231; Делиц 1983: 265; Дахин 1983: 212);
- рост значения социального законодательства и законы, ограничивающие поляризацию общества (такие как высокие налоги на наследство и т. п.)⁴;
- усиление значения таких факторов, которые ранее не являлись ведущими в рамках общенациональных и общегосударственных (они были, так сказать, важными для низовых ячеек общества): половые, возрастные и профессионально-групповые характеристики (см., например: Согрин 2003: 133–135). Но эти характеристики уже, скорее, свидетельствовали о том, что зрелое государство переходит в свой третий этап (переходного государства), за которым маячила новая политическая форма.

В течение XX в. социальная политика претерпевает новые очень сильные изменения, в том числе и в области перераспределения доходов. Особенно заметен этот процесс стал в период после Первой и еще более после Второй мировой войны. Это достигалось, в частности, с помощью высокого прогрессивного налога на доходы (см., например: Фишер 1999: 86–87). Другой, тесно связанный с первым, но, может быть, еще более важный инструмент – социальная помощь менее обеспеченным, оказавшимся в трудном положении.

Неизбежность перехода государства к такой социальной политике определялась многими вещами. Но особенно важно указать, что зрелые государства с их демократическим режимом и постоянно изменяющимся производственным и техническим базисом, оказались в положении, при котором политическая и социальная системы не могли оставаться без изменений. Иначе в обществе

³ Уже в начале XX в. в промышленно развитых странах к нему относили себя примерно 10 % населения (Гаджиев 2003: 15).

⁴ В последние десятилетия XX в. в развитых странах нижний слой сжался – в разных странах – от 3 до 14 %, верхняя элита также составляла до 5–10 %, остальное – это ряд слоев, которые, так или иначе, можно отнести к среднему или ниже-среднему классу (см.: Фишер 1999: 89), тогда как к низшему классу в начале XIX в. можно было отнести до двух третей населения (см.: Фишер 1999: 89).

возникало очень большое напряжение и ему грозил революционный взрыв (и опыт революций, кстати, сильно способствовал такому изменению во взглядах государственных деятелей, подобных Бисмарку). Демократический строй так или иначе требует опоры на большинство избирателей, а поскольку большинство из них по своему социальному положению были наемными работниками, они, естественно, желали перераспределения доходов от буржуазии в свою пользу и социальных гарантий, которые могло дать только государство. Раньше или позже не одни, так другие политические силы должны были реализовать эти требования. Кроме того, следует учитывать, что почет и уважение высшим слоям дают не только их могущество, но и длительность пребывания их на вершине, а во многих странах (особенно в США), нувориши еще не успели освятить свое лидерство долгим сроком, слишком стремительно они поднялись на Олимп.

В некоторых случаях такие социальные законы были приняты еще в XIX в. В частности, в Германии первые законы о социальном страховании были приняты при Бисмарке (Патрушев 2001: 76; Гренвилл 1999: 17)⁵. Это была передовая в данном отношении страна. К 1900 г. страхованием на случай производственных травм в Германии был охвачен 71 % всех рабочих; системой пособий по болезни – 32 %, пенсионным обеспечением по старости (за счет взносов рабочих, предпринимателей и государства) – 53 % (Григорьева 2001а: 23). В Англии первые законы о социальном страховании, в частности о пенсиях, начали принимать уже в начале XX в. (см.: Пономарев 2003а: 171).

Но фактически вся первая половина XX в. – это борьба вокруг таких законов. Например, во Франции еще в 1936 году правительство Народного фронта ввело законы о 40-часовой рабочей неделе и двухнедельном отпуске. Сегодня отпуск во Франции достигает уже пяти недель (Смирнов 2000: 53). Идеологию и взгляды на этот счет во многих странах резко изменили глобальные социально-экономические события: революции, пример СССР, мировой экономической кризис и другие. «Правящим кругам пришлось отказаться от принципа, который ранее считался фундаментальным и суть которого заключалась в том, что улучшение материального положения масс должно достигаться благодаря их собственной предусмотрительности, а государство должно ограничиться созданием правовых и организационных рамок, вроде сберегательных касс или юридического признания обществ взаимопомощи. ... Они согласились с тем, чтобы государство пошло дальше и оказало помощь в борьбе с некоторыми угрожающими явлениями, как, например, с болезнью или старостью... допускали, что государство может расходовать на это государственные средства» (Шлепнер 1959: 254–255). И далее этот курс только усиливался и развивался, пока западноевропейские и другие развитые страны не стали государствами «благоденствия» (см. об этой динамике социального развития: Фишер 1999: 335–351). В результате развития социальных программ государство вновь, по выражению Й. Шумпетера, стало «налоговым», так как налоговые изъятия существенно выросли по сравне-

⁵ Бисмарк вообще в отношении рабочего и социалистического движения действовал весьма неординарно. Например, он пытался ввести в уголовный кодекс статью о наказании за «разжигание классовой ненависти» (Патрушев 2001: 73).

нию с периодом классического капитализма⁶. Также появилось много чисто социальных налогов: отчисления на занятость, пенсии, здравоохранение, жилье и т. п. (см., например: Черник 1995: 255, 272–273).

В XX в. по мере возникновения социальных революций и конфликтов, роста роли государства в социальной помощи населению, а также формирования так называемого среднего класса зрелое, на своем последнем этапе, государство постепенно становится из чисто классового уже *социальным* государством, то есть государством, которое проводит активную политику поддержки малоимущих, социально незащищенных, ограничивает рост неравенства. А в 50–60-е гг. XX в. США и ряд европейских западных стран и вовсе взяли курс на то, чтобы стать государствами всеобщего благоденствия и обществами массового потребления. Но это уже означало, по моему мнению, что зрелое государство приобретает некие нехарактерные для него черты и развивается в нечто новое.

2. НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

2.1. Этническая база зрелого государства, его национальная и культурная политика

Выше я говорил, что зрелое государство политически оформляет общество, которое уже имеет национальную структуру (в виде одной или нескольких наций). Также выше было отмечено, что существует тесная связь между переходом к индустриальному производству и его последствиями (урбанизацией, единым рынком, быстрым транспортом, почтой, ростом образования, культуры, значения прессы), с одной стороны, и формированием наций и национализмом – с другой (см., например: Геллнер 1997; см. также: Балибар, Валлерстайн 2003: 105). С этими моментами и связано возрастание влияния государства на этнические процессы. Я полагаю, что само формирование наций шло, как правило, в государственной форме (см. также: Балибар, Валлерстайн 2003: 112 и др.). Это означает, что нации были ведущими в государстве, либо имели какую-то автономию (подобно венграм в Австрийской и затем Австро-Венгерской империи), либо требовали в той или иной форме государственности, то есть ощущали себя угнетенными или неполноправными, но в первую очередь политически. Даже в белых английских доминионах, таких как Австралия, Новая Зеландия (не говоря уже о франкоязычной части Канады), под влиянием автономии и самоуправления стали формироваться новые нации. Нации стали складываться (хотя и не без трудностей) и в латиноамериканских странах именно под влиянием разделения прежде единых политически колоний на суверенные государства. Словом, со-

⁶ Налоговые изъятия достигали 40 и даже более процентов с прибыли и 50 и более процентов с личных доходов (см., например: Черник 1995: 269–270; 283, 284). Налоги стали несколько понижаться только в 80-е годы XX в. в связи с принятием неоконсервативного курса (корректирующего кейнсианство) в экономической политике ряда государств, таких как США, Англия и др. В частности, в США в 1986 году «потолок» личных подоходных налогов сокращался с 50 до 28 %, а максимальная ставка налога на прибыль корпораций с 46 до 34 % (Повалихина 2002: 434).

гласно Максу Веберу, национальный дух в смысле единства может быть усмотрен только в стремлении к собственному государству (см.: Хьюбнер 2001: 249).

Но если право наций на самоопределение в XIX в. пробивало себе путь очень тяжело и кроваво (можно вспомнить хотя бы историю ирландского национального движения), то вызревание наций в более современный период все сильнее определяется общепризнанными идеями права наций на самоопределение, административную или культурную автономию. Все влиятельнее становился политический принцип, «суть которого в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать» (Геллнер 1991: 23).

Политика государства в области национально-культурного строительства далеко не сразу стала последовательной и осмысленной. Однако постепенно выстраивалась система, которая заключалась в том, что государство рассматривалось как национальный дом (по крайней мере, со стороны ведущей нации), а правительство – как управляющий делами нации комитет. Как суммировал эти взгляды Карл Поппер, высшая цель нации заключается в создании могущественного государства, которое может служить мощным инструментом ее самохранения (Поппер 1992, т. 2: 62–63).

Арнольд Джозеф Тойнби отмечал, что особенностью общественного сознания XIX в. было притязание считать свое общество закрытым универсумом (Тойнби 1991: 20). Соответственно успехи политики расценивались через призму национального величия (представления о котором, конечно, с течением времени менялись), военной и территориальной мощи, роста престижа на международной арене, а другие нации рассматривались как постоянные соперники и потенциальные военные противники. Вместе с этим возросли и попытки ассимиляции нетитульных наций, особенно в связи с требованием знания ведущего языка на государственной службе и для получения образования. В многонациональных государствах именно поэтому вопрос о национальных школах, газетах и позже радио- и телепрограммах был едва ли не самым острым⁷.

Государство начало уделять большое внимание воспитанию национального духа через школу, церковь, прессу, военную службу. Идея патриотизма стала пронизывать образование, значительную часть культуры и общественных наук, на развитие которых государство нередко щедро выдавало средства. История все сильнее становилась оружием идеологии и межгосударственной борьбы. Каждый народ стремится отыскать свои корни, показать их изначальное величие, в результате чего «гипноз “благородного происхождения” пробуждает... настоящую страсть к национальной истории, особенно к ее ранней стадии» (Элиаде 1995: 182).

В социалистических странах идея патриотизма также была одной из ведущих, однако отечество тут понималось более широко и конкретная национальность часто не играла столь важной роли.

⁷ Своеобразно пыталась решить вопрос ассимиляции Венгрия в своей части Австро-Венгерской империи в конце XIX – начале XX в., населенной помимо венгров румынами, хорватами, словенцами и другими славянскими и неславянскими народами. Например, в «Законе о равноправии национальностей» 1868 г. первая статья объявляла наличие в Венгрии «одной-единственной политической нации – единой неделимой венгерской нации, членами которой являются все граждане страны, к какой бы национальности они ни принадлежали» (Исламов 2001: 142).

2.2. Роль идеологии в зрелом государстве

В общественном сознании постепенно происходят изменения в осмыслении роли государства и отношении к нему. Эти изменения можно выразить в следующих пунктах:

1) десакрализация власти. С государства повсеместно снимается покров сакральности в прямом смысле слова. Например, в Англии с принятием «Акта о престолонаследии» в 1701 г. парламент полностью разрывал с феодальной традицией и представлением о божественной природе королевской власти и провозглашал принцип «естественного права» (Кертман 1968: 134). В еще более резкой форме это делали американские основатели государства, французские и другие революционеры. Вообще революции очень сильно изменили идеологию и в данном отношении. А там, где государственная идеология противилась этому, порой помогали военные поражения. Так произошло в Японии, где императора заставили публично отречься от мифа о божественном происхождении правящей династии (Топеха 1978: 16–17);

2) расширение и конкретизация представлений о роли государства в жизни общества и взаимоотношениях с обществом. Эти идеи постепенно заменили сакрально-традиционную идеологию, характерную для развитого государства и примитивного зрелого, когда представления о святости монаршей власти и нерушимости сословного социального порядка были широко распространены. Затем эти отжившие представления были свергнуты в результате революций и глубоких общественных реформ и движений, а равно распространения грамотности и печатной продукции;

3) формирование разных идеологий, в центре которых в той или иной мере идеи об особой роли государства в жизни общества и каждого человека и ценности взаимоотношений между ними.

В плане взаимоотношений государства и общества, государства и личности правомерно говорить о появлении нового типа идеологии, которую в целом, я считаю, можно определить как **гражданскую**, поскольку она объясняла взаимоотношения человека и государства с точки зрения человека-гражданина, имеющего равные с другими по закону права и обязанности, живущего в особом национально-государственном сообществе. «Нация есть совокупность людей, общностью судьбы сплоченных в общность характера», – считал, например, известный исследователь национальных проблем австрийский социал-демократ Отто Бауэр (цит. по: Козинг 1978: 45).

Гражданская идеология представлена разными типами и концепциями, но, прежде всего, нужно указать на два главных направления в ней. Одно – либеральное – базировалось на том, что государство должно не вмешиваться в какие-то области частной жизни, а должно обеспечить возможности для различных правовых и интеллектуальных свобод (что в целом оформилось как концепции либерализма и гражданского общества). Соответственно все должно регулироваться согласно закону. И от этого Закон стал казаться теперь естественным, незыблемым, нерушимым. При этом во всех системах западного права имеется много общего, за которым «лежат общая политика и общие ценности» (Берман 1994: 40). Другое направление связано с представлением, что государство может

требовать от человека все и в то же время полностью заботиться о нем. Социалистические страны тому ярчайший пример. Но гражданский характер идеологии в тоталитарном государстве даже более очевиден, чем в либеральном обществе с его индивидуализмом. Не лишена верности мысль, что тоталитарные режимы – прежде всего режимы идеологические (Волков 1989: 17), а потому имеет место не только и не просто подчинение индивида власти, но подчинение его высшей цели, достижению которой подчинено и само государство (Козлова 1989: 223).

По мере укрепления этих идей во всех обществах начинается процесс придания святости принципам национального, народного или социального (классового) блага, государства и закона. Это выразилось в формировании национальных и государственных идеологий, которые в ряде случаев стали своего рода новыми светскими религиями (см., например: Берман 1994: 47; Гринин 1997–2001 [98/4: 28–69]; см. об этом также: Балибар, Валлерстайн 2003: 111–112). По формулировке Д. Белла, в течение XIX–XX вв. политика и идеология узурпировали религиозную форму (Bell 1960; 1979). Поэтому гражданская идеология подчеркивает также не просто формальные, но и неформальные эмоциональные отношения между человеком и государством-родиной как важнейшие.

Наиболее универсальным видом гражданской идеологии можно считать **национализм**. Другими влиятельными идеологиями эпохи классического капитализма можно считать либерализм, демократизм, веру во всемогущество науки и разума, революционизм и реформизм. В более поздний период появляются империализм (как идеология)⁸, коммунизм, фашизм, антикоммунизм.

Огромную роль начинают играть создатели, распространители и хранители идеологии, то есть различные отряды интеллигенции и партийные активисты.

2.3. Закат зрелого государства и начало перехода к политическим образованиям нового типа

Итак, конец первого этапа и второй этап стадии зрелого государства (то есть *примитивного* и *типичного* зрелого государства) связаны с формированием классов предпринимателей и наемных работников и **созданием классово-корпоративного государства**. В развитых странах Европы эти процессы окончательно оформились примерно в конце XIX – начале XX в. Следующий период (примерно до конца 60–70-х гг. XX в. для США и ряда европейских западных стран) можно определить как время формирования нового типа социальной структуры, когда начинает преобладать средний класс. Это время, по моему мнению, можно рассматривать как завершение этапа *типичного* зрелого государства и вступление в этап *переходного* зрелого государства. В этот период

⁸ «Империалист чувствует глубокую гордость от созерцания великолепного наследия империи, завоеванной мужеством и энергией его предков. Распространение британских традиций на каждую расу принесет им неисчислимые выгоды в виде справедливых законов, умелой торговли, разумного управления», – писал, например, в 1899 г. один обозреватель (см.: Гренвилл 1999: 18). «Наш долг – использовать любую возможность, чтобы овладеть новыми территориями... Чем большей частью мира мы будем управлять, тем лучше будет для всего человечества», – говорил крупнейший теоретик и практик колониальных захватов Сесиль Родс (см.: Горохов 2001: 209).

идет **формирование социального государства (государства всеобщего благоденствия, общества массового потребления).**

С 60-х гг. XX в. начались очень большие изменения во всех сферах жизни. В частности, надо отметить распад колониальных империй, в результате чего число государств на политической карте мира выросло более чем в два раза. Это явилось мощнейшим изменением в судьбах всей планеты. Но еще более серьезные изменения были связаны с новой производственной (научно-технической) революцией, которая захватила весь мир и глубочайшим образом изменила производство (см. подробнее в третьей книге). Естественно, что эти изменения сильно повлияли на социальную структуру обществ, на законодательство, на распределение и прочее. Они еще не привели к полному изменению типа политической организации, но уже создали целый ряд глобальных изменений в ней, нехарактерных, как мне думается, для зрелого государства.

Укажу на ряд из них.

– Различные социальные движения, не имеющие классового характера в западных странах: расовые, молодежи, женское, «зеленых», организаций потребителей, студенческие волнения и тому подобные движения, которые стали играть все более важную роль (см., например, о расовом движении и «феминистской революции» в США: Согрин 2003: 133–135).

– Существенно изменяется и социальная структура, которая все сильнее определяется не только владением собственностью, но и иными параметрами, включая образование и известность⁹.

– Не является обязательным признаком зрелого государства столь активная забота о социальном обеспечении, как это характерно для современных государств «всеобщего благосостояния», где социальные гарантии стали огромными.

– Наконец, совершенно новое и крайне важное явление – частичный отказ от суверенитета (см. подробнее в третьей книге), образование множества наднациональных организаций, признание многими странами приоритета мирового права над национальным¹⁰. И эта тенденция к сокращению суверенитета, к признанию верховенства международного права над национальным и глобализация в разных аспектах, при возможных колебаниях и откатах, в целом, думается, будет нарастать. А значит, переход к новым политическим реалиям, в которых уже зрелое государство не будет вершиной эволюции, кажется вполне вероятным.

Таким образом, многие нынешние характеристики наиболее передовых государств нельзя безоговорочно относить к зрелому государству. С 60–70-х гг. XX в. США, ведущие европейские страны – Германию, Францию, страны Северной Европы и Бенилюкса, Японию и некоторые европейские страны в 80–90-е гг. надо рассматривать все более как *переходные* зрелые государства, в ко-

⁹ См., например: Парсонс 1997: 27; Бергер 1994; а также мой анализ современных социальных процессов, в частности процесса формирования нового социального элитарного слоя, который я называю «люди известности», см.: Гринин 1997–2001 [97/5: 50]; 2003а: 220–222; 2004б; 2004в.

¹⁰ Думается, крах колониализма не случайно совпал с началом перехода к новому типу наднациональным образованиям (различным экономическим и политическим союзам), за которыми видится большое будущее. Только на базе такого быстрого роста числа государственных обществ и народов могло закрепиться движение к созданию наднациональных образований.

торых вызревают некоторые черты будущих политических наднациональных, надгосударственных образований. А это значит, что в них уже налицо некоторые черты, которые вообще не характерны для государства как организации.

Можно говорить, что приближается конец эпохи зрелых государств, на смену которой идет новая – надгосударственная и наднациональная – стадия политического развития мира (см. подробнее: Гринин 1998; 1999б; 2003а: 159–165; 204–206; 234–235). Однако это сложный, не столь быстрый и весьма не прямой путь.

Библиография

- Адо А. В. 1986б.** (Ред.). *Новая история стран Европы и Америки: Первый период*. М.: Высшая школа.
- Балибар Э., Валлерстайн И. 2003.** *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. М.: Логос-Альтера.
- Бергер П. 1994.** *Капиталистическая революция*. М.: Прогресс.
- Берман Г. Дж. 1994.** *Западная традиция права: эпоха формирования*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Бунин И. М., Назарова Н. Б. 1982.** Социально-классовая структура. *Франция* / Ред. Г. Г. Дилигенский, В. И. Кузнецов, с. 187–213. М.: Мысль.
- Волков Л. Б. 1989.** «Диктатура развития» или «квазимодернизация». *Тоталитаризм как исторический феномен* / Ред. А. А. Кара-Мурза, А. К. Воскресенский, с. 85–90. М.: Филос. общ-во СССР.
- Гаджиев К. С. 2003.** Основные тенденции развития стран Европы и Америки в 1900–1945 гг. *Новейшая история стран Европы и Америки: XX век: в 2 ч. Ч. 1. 1900–1945* / Ред. А. М. Родригес, М. В. Пономарев, с. 9–37. М.: гуманит. изд. центр ВЛАДОС.
- Геллнер Э. 1991.** *Нации и национализм*. М.: Прогресс.
- Геллнер Э. 1997.** От родства к этничности. *Цивилизации*. / Ред. А. О. Чубарьян, Вып. 4, с. 95–102. М.: МАЛП.
- Горохов В. Н. 2001.** Международные отношения в 1871–1898 гг. *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х годов – 1918 г.* / Ред. И. В. Григорьева, с. 186–227. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Гренвилл Дж. 1999.** *История XX века. Люди, события, факты*. М.: Аквариум.
- Григорьева И. В. 2001а.** Введение. *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870–1918 гг.* / Ред. И. В. Григорьева, с. 9–31. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Григорьева И. В. 2001б.** Италия в 1870–1900 гг. *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х годов – 1918 г.* / Ред. И. В. Григорьева, с. 157–174. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Гринин Л. Е. 1997–2001.** *Формации и цивилизации*. [Книга печаталась в журнале «Философия и общество» с 1997 по 2001 г.]
- Гринин Л. Е. 1998.** Проблема стабилизации образа жизни и перспективы развития человечества. *Человек в современных концепциях* / Ред. Н. В. Омельченко, с. 301–304. Волгоград: Изд-во ВолГУ.

- Гринин Л. Е. 1999б.** Соотношение развития государства и производительных сил (в рамках всемирно-исторического процесса). *Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки* 1: 17–27.
- Гринин Л. Е. 2003а.** *Производительные силы и исторический процесс.* 2-е изд. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2004б.** Глобализация и проблемы национального суверенитета. *Материалы «Круглого стола», посвященного Дню философии ЮНЕСКО, 18 ноября 2004,* с. 39–47. Бишкек: Дэна.
- Гринин Л. Е. 2004в.** «Люди известности» как феномен информационного общества. *Материалы Третьей Международной конференции «Человек в современных философских концепциях»* (с. 653–657). Волгоград, 14–17 сентября 2004.
- Гринин Л. Е. 2009.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса.* 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2010.** *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому.* 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2012а.** Государство и его кризис: от ранних до несостоявшихся государств. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ,* с. 1425–1432.. М.: РОС.
- Гринин Л. Е. 2012б.** Государство и социально-политический кризис в процессе модернизации. *Историческая психология и социология истории* 2: 77–106.
- Гринин Л. Е. 2013а.** Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.
- Гринин Л. Е. 2013б.** Государство и его кризис в прошлом и настоящем. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий* 3(7): 26–30.
- Гринин Л. Е. 2016.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса.* 3-е изд. URSS.
- Гринин Л. Е. 2016.** Модернизация и социально-политические кризисы. *Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн /* Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Р. С. Гринберг, с. 233–258. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е. 2017.** Размышления о трансформациях мирового порядка. Часть 2. Мировой порядок в будущем. *Credo New* 2(90).
- Гринин Л. Е. 2018.** Революции. Взгляд на пятисотлетний тренд. *Эволюция: паттерны эволюции /* Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 260–291. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2018.** США в эпоху Д. Трампа: слабости и перспективы Америки. *Историческая психология и социология истории* 2: 144–169.
- Гринин Л. Е. 2019.** Исламизм как историко-цивилизационный и социально-политический феномен. *Философия и общество* 2: 5–39.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2019.** Современные глобальные тенденции и прогнозы на XXI столетие. *История и современность* 4 (в печати).
- Даль Р. 2000.** *О демократии.* М.: Аспект Пресс.
- Дахин В. Н. 1983.** Социально-классовая структура итальянского общества. *Италия /* Ред. Н. П. Васильков, К. Г. Холодковский, с. 207–227. М.: Мысль.

- Делиц П. 1983. Социальная структура. *Федеративная Республика Германия* / Ред. В. Н. Шенаев, М. Шмидт, Д. Е. Мельников, с. 248–280. М.: Мысль.
- де Токвиль А. 1991. *Демократия в Америке*. М.: Прогресс.
- Исламов Т. М. 2001. Австро-Венгерская монархия в 1867–1900 гг. *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х годов – 1918 г.* / Ред. И. В. Григорьева, с. 133–156. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Кертман Л. Е. 1968. *География, история и культура Англии*. М.: ВШ.
- Козинг А. 1978. *Нация в истории и современности*. М.: Прогресс.
- Козлова Н. Н. 1989. От авторитаризма к тоталитаризму: механизм перехода. *Тоталитаризм как исторический феномен* / Ред. А. А. Кара-Мурза, А. К. Воскресенский, с. 223–228. М.: Филос. общ-во СССР.
- Маршалл Т. Х. 2005. Природа классового конфликта. *Личность. Культура. Общество* 25: 18–30.
- Мещерякова Н. М. 1986. Англия (1815–1850). *Новая история стран Европы и Америки: Первый период* / Ред. А. В. Адо, с. 296–308. М.: Высшая школа.
- Миллс Р. 1959. *Властвующая элита*. М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Пантин В. И., Малков С. Ю., Гринин Л. Е. 2018. *Основные угрозы и риски России при переходе к новому мировому порядку и пути их минимизации: Стратегический анализ*. 2-е изд., доп. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2018.
- Парсонс Т. 1997. *Система современных обществ*. М.: Аспект Пресс.
- Патрушев А. И. 2001. Германская империя в 1871–1890 гг. *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870–1918 гг.* / Ред. И. В. Григорьева, с. 63–83. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Песчанский В. В. 1981. Социально-классовая структура. *Великобритания* / Ред. С. П. Мадзоевский, Е. С. Хесин, с. 213–240. М.: Мысль.
- Повалихина Т. И. 2002. Экономическое могущество США в послевоенном мире. *Экономическая история зарубежных стран* / Ред. В. И. Голубович, с. 410–442. Минск: Интерпрессервис.
- Пономарев М. В. 2003а. Великобритания в 1900–1945 гг. *Новейшая история стран Европы и Америки: XX век* / Ред. А. М. Родригес, В. М. Пономарев, ч. 1, с. 168–211. М.: ВЛАДОС.
- Поппер К. 1992. *Открытое общество и его враги*. М.: Феникс.
- Рамзес В. Б. 1981. Социально-классовая структура. *Япония* / Ред. Я. А. Певзнер, Д. В. Петров, В. Б. Рамзес, с. 229–271. М.: Мысль.
- Смирнов В. П. 2000. Франция на исходе XX века. *ННИ* 2: 49–69.
- Соловьев С. А., Евзеров Р. Я. 2001. Монополистический капитализм начала XX в. в странах Западной Европы и в США. *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870–1918 гг.* / Ред. И. В. Григорьева, с. 267–299. М.: Издательство Московского университета.
- Татаринова К. Н. 1958. *Очерки по истории Англии 1640–1815 гг.* М.: Изд-во ИМО.
- Тойнби А. Дж. 1991. *Постижение истории*. М.: Прогресс.
- Топеха П. П. 1978. Япония в период оккупации. *История Японии (1945–1975)* / Ред. В. А. Попов, с. 9–58. М.: Главная ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука».

- Фишер В. 1999.** *Европа: экономика, общество и государство: 1914–1980 гг.* М.: Владос.
- Хюбнер К. 2001.** *Нация. От забвения к возрождению.* М.: Канон.
- Черник Д. Г. 1995. (Ред.).** *Налоги.* М.: Финансы и статистика.
- Шлеппер Б. С. 1959.** *Сто лет социальной истории Бельгии.* М.: Ин. лит-ра.
- Элиаде М. 1995.** *Аспекты мифа / пер. с фр.* М.: Инвест ППП.
- Bell D. 1960.** *The End of Ideology: on the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties.* Illinois: The Free Press of Glencoe.
- Bell D. 1979.** *The Cultural Contradictions of Capitalism.* New York, NY: Basic Books.
- Burnham J. 1941.** *The Managerial Revolution.* New York: Van Rees Press.
- Dahrendorf R. 1976.** Changes in the Class Structure of Industrial Societies. *Innovative Issues and Approaches in Social Sciences* 6(3): 117–203.
- Ezeanya O. C. P. 2018.** Stalemates to Democracy in Nigeria: The Paradoxes of Human Rights and Social Justice. *Social Evolution & History* 17(1): 140–159.
- Grinin L., Korotayev A. 2016.** Revolution and Democracy: Socio-Political Systems in the Context of Modernisation. *Central European Journal of International and Security Studies* 10(3): 118–139.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017a.** Chiefdoms from the Beginnings Until Now. *Chiefdoms: Yesterday and Today / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev*, pp. 3–14. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017b.** Chiefdoms: Beyond Time? *Chiefdoms: Yesterday and Today / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev*, pp. 327–332. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017b.** The Inflationary and Deflationary Trends in the Global Economy in the Light of the Long Cycles' Theory. *Kondratieff Waves: Spectrum of Opinions / Ed. by L. Grinin, A. Korotayev.* Volgograd, 2019.
- Hagesteijn R. R. 2008.** Early States and 'Fragile States': Opportunities for Conceptual Synergy. *Social Evolution & History* 7(1): 82–106.
- Ivanchenko O., Banshchikova A. 2018.** Urbanization and Mutual Help Groups: Contribution to Nation-Building in Tanzania. *Social Evolution & History* 17(1): 34–59.
- Wesolowski W. 1976.** The Notions of Strata and Class in Socialist Society. *Social Inequality / Ed. by A. Beteille*, p. 122–146. Harmondsworth: Penguin Books.